

Мой М.М. Загорулько

Выпускники первого набора ВолГУ всегда ощущали свою особенную принадлежность alma mater, потому что нас так воспитывали, формировали, «лепили» наши преподаватели, которые сами были первыми. А ректор, профессор Максим Матвеевич Загорулько, стал, очень по праву и очень желанно, главным Учителем. Поэтому rector для нас, 250 первых, настоящий главный Учитель и правитель.

А.С. Пушкин назвал соратников Петра «птенцы гнезда Петрова». Мы тоже считаем себя «птенцами» Загорулько, и наши взлеты и полеты — это результаты его «программирования».

«Важное впереди срочного!» — так он говорил многим. И многие из нас, для кого ВолГУ тоже стал счастливым делом жизни, хранят библиотечные карточки с его напутствиями. А однажды пришла по вызову секретаря, надеясь попереводить беседу с кем-нибудь из всегда интересных заморских гостей, но получила «диплом кандидата наук» — листок правильного размера, с правильным шрифтом, номером и т.д. и размашистой надписью: «Вера! Поздравляю! Рад, очень рад твоим успехам! Как-нибудь и дальше! Ведь не святые лепят горшки. Ты теперь это знаешь. М. Загорулько». Понимаю, что это копия, и слышу: «Это тебе диплом от меня. За другим иди в диссовет».

С докторским дипломом все было скучно и обычно, а этот листок храню как завет.

Лекции М.М. Загорулько по политэкономии мы называли «уроки мужества»: в любой момент нужно было быть готовым дать определение, ответить на вопрос и, вообще, поумничать. После таких занятий у нас появилось свое понимание «максимального».

Курс научного коммунизма включал подготовку реферата по поисковой работе, связанной с трагической и героической историей участия курсантских полков в Сталинградской битве. Максим Матвеевич был одним из немногих (по-моему, трех из ста), кто остался в живых из поколения 1924-1925 годов. Университет,

который построен на месте ожесточенных боев с участием курсантских полков, был в его восприятии памятником тем, кто не выжил, не доучился, не стал... Мы все поняли, прочувствовали. Сделали, что смогли. Такой вот был зачет по научному коммунизму. Поиск — очень приблизительный, но нашли мы в итоге позиции, умение чувствовать то, что «должно».

Мои коллеги-переводчики знают, что переводить речи Максима Матвеевича — задача не из легких. Это всегда адреналин. Храню видеозапись его выступления на Международной конференции, посвященной 60-летию Сталинградской битвы. Анализирую собственный последовательный перевод со студентами на семинарах по теории перевода. Почему мне удавалось запоминать его длиннющие пассажи, не делая никаких записей? Думала долго. Поняла — мы просто на одной волне. Эта общая «частота» настроена несколько десятилетий назад и остается неизменной.

Про огромное количество зеркал в первом корпусе М.М. Загорулько говорил позднее, что так по-хитрому потратил какие-то подлежащие срочному израсходование деньги. Но тогда... мы были абсолютно уверены, что зеркала на

каждом углу, целые зеркальные стенки — исключительно для нас. Университет был коллективно молодым, красивым и желал солнечных зайчиков. Их было много, было светло и радостно. Сейчас мне кажется, что если заглянуть в те зеркала (если бы они висели на прежних местах), то можно увидеть наши тогдашние лица.

И о главном в нем. Иду по университету. Со мной здороваются студенты. Отвечаю: «Здрассте». Не всех студентов младших курсов «идентифицирую», еще не запомнила. Если есть время, чувствую уколы совести, потому что у самой было в студенческой жизни совсем другое. Максим Матвеевич, ректор, профессор старался поздороваться первым, так он обозначал то, что называется «сопричастность» и «общее дело». Именно поэтому ему легко было как-то правильно сказать нам «ты». Это «альма-патерское» «ты» М.М. Загорулько — наш общий «код», наш universitas ВолГУ.

Вера Александровна Митягина,

студентка ВолГУ 1980-1985, доктор филологических наук, профессор, завкафедрой теории и практики перевода ВолГУ, Почетный работник высшего образования РФ